

Читайте в серии
молодежное российское фэнтези:

Алекс Джун "Спи, Алиса"

Дельта Корнер "Убийца Королей"

Кайса Локин "Сумеречный сказ"

Екатерина Соловьева "Избранник смерти"

Елена Добрынина "Эмма Дженкинс"

Натали Рок "Кровь и Клятва"

Натали Рок

КРӨВЬ
И
КЛЯТВА

Freedom

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р66

Иллюстрация на обложке *Милтн*

Карта на форзацах *Мариш Самариной*

Художественное оформление *Екатерины Ледковой*

Рок, Натали.
Р66 *Кровь и Клятва / Натали Рок. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. : ил. — (Young Adult. Молодежное российское фэнтези).*

ISBN 978-5-04-189102-2

Меня зовут Эания, и я полукровка. Война между людьми и эльфами длится долгие годы. Мои враги мечтают заполучить эльфийскую способность управлять стихиями и пойдут ради своей цели на все. Кровавый маг, карающая рука людской власти, стал виновником смерти моей матери. С тех пор я поклялась, что стану сильнее и покончу с магами крови. Первой целью станет тот, кто отнял у меня самое дорогое. Беспощадный, не знающий жалости, он заслуживает смерти. Моя рука не дрогнет. Я была уверена в этом, пока не встретилась со своим врагом лицом к лицу...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189102-2

© Натали Рок, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Ррррр

Яне собираюсь принимать участие в войне, не собираюсь сражаться и нести ответственность за кого-то, кроме себя.

И маме это хорошо известно. Но она упрямо пытается вырастить из меня саму себя — могущественную чистокровную эльфийку. Что, по сути, невозможно, потому что во мне течет человеческая кровь.

— Эания! — зовет она со двора. — Время тренировки!

Я тяжело вздыхаю, споласкиваю руки от пыли, прилипшей к пальцам после сбора трав в лесу, и иду к ней. Мама магией воздуха подхватывает горшок с землей с другого конца двора и, заметив мое угрюмое выражение лица, напоминает:

— Через пару недель тебе исполнится восемнадцать, а ты до сих пор не овладела всеми четырьмя стихиями.

— Зато в совершенстве владею одной.

— Этого недостаточно. Возьми горсть земли и встань напротив меня.

Бесполезно спорить, когда мама в таком настроении, потому я послушно беру землю и встаю там, где сказано. Стихия не поддается ни через минуту, ни через десять. Она противится мне, а мамин взгляд тяжелеет. До меня доносится какой-то шум, и я с удовольствием отвлекаюсь от бесполезного занятия, выглядывая за невысокий бревенчатый забор:

— Ты это слышишь? Кто-то кричит...

Порыв ветра, словно мягкое прикосновение ладони, поворачивает мою голову обратно, голос мамы сух и строг:

— Эания, сосредоточься. Все внимание на землю в твоей руке. Почувствуй ее податливость, она уже готова тебя слушать. Такая же земля находится в горшке. Подними ее.

Я вздыхаю и недовольно сужаю глаза на горшок у маминых ног. Сдуваю с лица рыжую прядку, сжимаю кулак с землей сильнее и напрягаюсь.

Ну же! Взлетай!

— Не пытайся подчинить ее своей воле! Ты проводник! Укажи ей путь!

Я хитро улыбаюсь, разжимаю кулак с землей и растопыриваю пальцы в стороны, чтобы поймать ими ветерок. Направляю воздух в зазоры между каменными стенками горшка и утрамбованной в нем землей и толкаю вверх. Земля выскакивает из горшка, как пробка из бутылки, а затем рассыпается по траве. Черная пыль оседает на подоле маминого платья.

— Эания, — устало вздыхает она, — ты должна уметь сражаться!

Меня снова привлекает шум, но я продолжаю привычно спорить с мамой:

— Война не касается лично меня.

— Да-да, однажды ты сбежишь в Пустошь и заживешь вольно, — мама в два счета возвращает землю в горшок, словно та не вылетала вовсе, и строго смотрит на меня. — Ну а пока...

Теперь до нас доносится металлический лязг, и мама его тоже слышит. Она спешит к забору, у которого уже стою я, и вглядывается в конец улицы. Многие из наших соседей поступают так же, у всех на лицах застыл страх.

— Маг крови...

Я вижу вдаль мужчину в черном балахоне с капюшоном. Он гордо восседает на могучем черном коне. Вестник смерти. Или сама смерть в человеческом обличье. Марионетка в руках жестоких кукловодов — людей.

Нам всем пришел конец.

Мама хватается меня за руку и тянет к дому:

— Эания, похоже, сбежать тебе придется раньше, чем ты планировала.

Я замечаю едва ли не одновременно с ней:

— Ты говорила, что война придет сюда еще не скоро!

— Это было больше пяти лет назад.

— Постой, ты не пойдешь со мной? Но...

— У тебя мало времени, милая! — отпускает она мою руку и бросается к сундуку со своими бумагами. — Возьми сумку и собери себе в дорогу еды. Не забудь про воду. Эания, собирайся, ну же! Немедленно!

Я стискиваю зубы и бегу на кухню. Тревога сжимает сердце, во рту горчит, а глаза печет. Но это не первый наш побег, мы справимся. Выживем. Все как всегда. И мама обязательно уйдет вместе со мной.

Нахожу в корзине с лесными травами свою поясную сумку и тут же закрепляю ее на талии. Забрасываю внутрь небольшие склянки с целебным порошком, огниво и другие важные мелочи, что попадают на глаза. С крюка у задней двери снимаю колчан со стрелами и лук. Беру наплечную сумку и быстро заполняю ее едой и водой. Оставив припасы у двери, возвращаюсь в общую комнату.

Мама набрасывается на меня, как ястреб на добычу. Ее белокурые волосы парят в воздухе, словно обдуваемые ветром, глаза горят, как два ярких факела в ночи, но выражение лица остается спокойным и строгим. Мама нервно впивается ногтями в мои плечи и быстро говорит:

— А сейчас, Эания, слушай меня внимательно! В этот раз тебе предстоит бежать одной. Как можно дальше отсюда. Не оглядываясь. Я знаю, что ты справишься. Эта карта подскажет путь, слушай ее и свое сердце, они не обманут.

— Мам... — сглатываю я ком в горле.

— Ты обязана спастись, слышишь? И обязана слушать свою мать! Я останусь, чтобы задержать мага крови, спасти тех, кого еще можно спасти. Я здесь единственная из чистокровных и несу ответственность за свой народ. Как и ты, как и все те, в ком течет эльфийская кровь. Ты еще не понимаешь этого, но однажды поймешь. А сейчас...

Мама вкладывает свернутый пергамент в мою сумку, а затем снимает с себя цепочку с медальоном в виде овала, разделенного пополам, и надевает на мою шею. Крепко обняв, она тут же отпускает меня:

— Беги!

— Обещай, что скоро нагонишь меня!

Мама смотрит на меня прощальным взглядом: в нем столько любви, ласки и гордости, что я едва

не реву в голос. Не хочу прощаться навсегда! Не хочу уходить! Не хочу оставлять ее здесь одну!

— Береги мой медальон, вернешь его, как только мы увидимся вновь.

С улицы доносится треск и крики, раздающиеся уже громче прежних. Мама взмахивает рукой в сторону входной двери — та слетает с петель от мощного порыва ветра — и шагает навстречу войне. Смерти. У ее пальцев клубится раскаленный добела огонь.

Я вбегаю на кухню, набрасываю ремень сумки с запасами на плечо и устремляюсь на улицу через заднюю дверь. Несуь мимо грядок с овощами, которые мы посадили буквально на днях, использую магию воздуха, чтобы легко перепрыгнуть через забор, и падаю на одно колено с другой стороны. Не оглядываюсь. Срываюсь напрямик в лес, который поднимается густыми деревьями и кустами по холму. Лес меня укроет, поможет, как и всегда.

Сейчас я не думаю ни о чем, кроме того, чтобы забраться на вершину как можно скорей, словно я решила поохотиться и очень спешу не упустить добычу. И только оказавшись наверху, в месте, где деревню полуэльфов видно как на ладони, я падаю в высокую траву у широкого ствола и впиваюсь взглядом в развернувшийся внизу бой.

Мужчины и женщины, как и моя мать, встали на защиту своих домов. В их руках мечи и ножи.

Те, кто может, используют магию. Выстоять против людей у них шанс есть. Выстоять против мага — нет. Но он не спешит вмешиваться. Пока всю грязную работу выполняют его бешеные псы, убийцы: отряд людей, намного превышающий численностью жителей деревни. Их окровавленные мечи мелькают тут и там, вспарывают животы и шеи полуэльфов. Их броня отбрасывает блики в лучах заходящего солнца. Но и она спасает не всех. Не от огня, который бросает мама.

— Чистая! Среди них есть Чистая!

Вот тут-то маг крови и начинает действовать.

Я мысленно ругаю маму за то, что та себя выдала. Но у нее нет другого выхода — она защищает группу тех, кто уводит в лес детей и стариков.

Среди лязга сражения и криков боли раздается эхо маминого голоса:

— Не стоит тебе, маг, пускать себе кровь!

Я впиваюсь взглядом в их высокие фигуры, одна под стать другой. Волосы и подол платья мамы развеивает ветер, подвластный ее воле, а вот балахон и капюшон мужчины висят на нем без движения. Одна из ладоней мага отбрасывает блик: нож, спрятанный в рукаве. Секунда — и клинок со скоростью света летит в мою мать.

— Я не слушаю советов эльфов!

Мама обхватывает пальцами рукоятку ножа, вонзившегося ей в живот. Она падает на колени, а затем заваливается на бок.

Не верю своим глазам. Не верю, что мою умную, добрую, нежную и безмерно сильную мать лишило сил такое ничтожное оружие, как нож. Не верю! Почему она не сотворила щит?!

Стиснув зубы, я присаживаюсь на одно колено и прикладываю к тетиве лука стрелу. Стреляю я метко, и стрелы мои быстры, как ветер.

Вдох. На выдохе разжимаю пальцы. Стрела со свистом устремляется вперед, к чудовищу, что посмело тронуть мою маму. Вот только... Легкое движение пальцев убийцы, и стрела камнем падает ему в ноги, а взор устремляется в мою сторону.

— Догнать лучника и убить! — приказывает маг своей своре. — Их всех!

С его пальцев начинают сыпаться искры, и через секунду стоящий рядом дом охватывает мощное и ревущее пламя. Пасс рукой, и порыв сильного ветра разносит огонь в разные стороны, его жар охватывает дома моих соседей. Через несколько секунд горит вся деревня.

Люди в окровавленных доспехах поднимаются по холму, заходят в лес.

Я убираю лук за плечо, встаю и, не прощаясь ни с мамой, ни с местом, что служило мне домом долгие годы, бегу дальше в чащу. Мне не дали времени на прощание, но ничто не мешает мне дать клятву. И я клянусь, что однажды обрету силу и покончу с магами крови, с каждым из них. И начну с того, кто убил мою мать.

Глава 1

Таверна «Грязный Кирк» не зря носит такое название: внутри до одури воняет человеческим потом, кислятиной дрянного пойла и тухлым мясом, из которого Кирк, хозяин забегаловки, готовит отвратительную на вкус похлебку. Пол здесь не мыли годами, а в углу, над столиком, за которым я обычно сижу, живет целое семейство пауков. Пойманная в паутину муха противно и пискливо жужжит, пока к ней ползут хозяева, чтобы полакомиться. Но я вынуждена терпеть неудобства, потому что таверна Кирка — единственная забегаловка близ дорожного тракта, и только здесь могут объявиться те, кому нужен проводник.

Я закрываю глаза и откидываю голову на неровную каменную стену. Благо на голове шапка, которая смягчает острые углы. Сегодня я снова провела

весь день на Топях: помечала деревья, проверяла, как сильно сместились тропы и насколько громко можно шуметь, чтобы не привлечь тварей, что обитают в болотах. Это выматывает, но у меня нет выбора: чтобы странствовать по отвоеванным у эльфов землям, нужны человеческие деньги.

Кто-то грубо пинает мой ботинок, я сжимаю рукоять ножа под курткой и недовольно приоткрываю один глаз. Надо мной нависает сам хозяин забегаловки, от мужчины несет перегаром и тухлым мясом, а от тарелок на грязном подносе в его руке поднимается пар только что приготовленной похлебки.

— Чего тебе, Кирк?

— Вон, залетные, — дергает он своим костлявым подбородком в сторону кучки людей, появившихся в таверне полчаса назад, — проводника ищут. Я им сказал о тебе. Пойдем, познакомлю.

Кивнув, я отправляюсь вслед за стариком.

Кирк грохает поднос о деревянную столешницу с такой силой, что стол жалобно скрипит, а похлебка разливается по поверхности.

— Ну и вонь, — замечает кто-то.

— Вот она, проводница, — хлопает меня по плечу Кирк, и я недовольно морщусь. — Давай, рыжий, расплачивайся, как обещал.

Старик протягивает руку к широкоплечему и крепкому на вид мужчине с медными кудрями,

чем-то похожими на мои вихры, и густой бородой. Незнакомец, разглядывая меня, вкладывает в его мозолистую ладонь медяк. Кирк тут же уходит, а человек отодвигает для меня стул:

— Ния, верно? Садись, есть разговор.

Я принимаю приглашение и настороженно разглядываю людей. С ними всегда нужно быть начеку, особенно мне, полуэльфу, скрывающему свою сущность, потому я не упускаю из виду выражение лица каждого за столом.

Их пятеро: рыжий и холеный, что расплачивался с Кирком; мощного вида женщина, которую можно принять за чистокровного эльфа, если бы не совершенно человеческие уши и темные, грязные от дорожной пыли волосы; худой и долговязый паренек, согнувшийся в три погибели, словно пытается быть как можно незаметнее; и два здоровяка, похожих друг на друга как две капли воды. Последние настораживают сильнее прочих. Лица у них каменные — не поймешь, о чем думают, а по выправке понятно, что умеют сражаться. Но явно не из бешеных псов, которых таскают за собой маги крови. Нет в их глазах отголосков того, что однажды они вкусили эльфийской крови. А она всегда оставляет след. Всегда.

— Итак, Ния, — облакачивается на стол рыжий, в уголках его глаз появляются паутинки морщинок от усталой улыбки. — По дороге сюда мы столкну-

лись со спятившим трехрогом и едва унесли ноги. Разумеется, наши кони погнались за ней — самка, бес бы ее побрал. Осталась лишь дохлая лошадка Сиуса, — мужчина усмехается и бросает насмешливый взгляд на долгоязого паренька. Я тоже усмехаюсь, но по другой причине.

Трехрогом люди зовут лесного виру — существо, похожее на оленя из их земель. Они не бешеные, просто не терпят поблизости от гнезда незваных гостей. Ну а кони... Кони и правда остро реагируют на виру, если те противоположного пола. Будут крутиться возле них без сна, пищи и воды, пока не упадут замертво.

Сиус, как того назвал рыжий, пригибается еще сильнее.

— В общем, в этом захудалом городишке найти стоящих скакунов нам не удалось, — продолжает мужчина. — А мы спешим в Бриос. Очень. И хорошо тебе заплатим, если ты, как сказал тот пьяница, сможешь провести нас через Топи. Сможешь?

Бриос, ранее именуемый Ваалисом, один из крупных городов на отвоеванной людьми земле. Он находится в паре недель пути отсюда, если обходить Топи. Или в двух-трех днях, если идти через них.

— Смогу, — киваю я. — Но не уверена, что все выйдут оттуда вместе со мной.

Топи — место опасное. Мама рассказывала, что в хорошие времена туда не всякий эльф совался. Даже сильнейшие из них пропадали там без следа или возвращались обезумевшими. А уж сколько сгинуло людей — не счесть. Земли эльфов — не шутки. Думаю, люди до сих пор не понимают, во что ввязались. Как и те, что сидят напротив меня.

Впрочем, мне это, с какой стороны ни посмотри, только на руку.

— Вот увидишь, мы тебя удивим, — подмигивает рыжий.

У меня на секунду темнеет в глазах, а в следующий миг я оказываюсь посреди Топей.

Ночь. Голые ветки деревьев тянутся к болотам. Густая грязь булькает. Мужские руки. Они цепляются пальцами за твердую землю. Под ногтями собралась грязь. Медные кудри слиплись от глины. Глаза расширены от страха.

— Помоги!

Я моргаю, и видение испаряется. Смотрю на рыжего уже иначе и говорю:

— Я беру всю сумму вперед. Вы беспрекословно выполняете мои указания. Все до единого. Идем налегке, с собой лишь самое необходимое в наплечной сумке, ничего громоздкого и тяжелого. Лошадь придется оставить здесь. Если согласны с условиями...

Сиус жалостливо икает, когда слышит про свою лошадь, а говоривший со мной мужчина твердо кивает:

— Согласны.

Я поднимаюсь на ноги, отчего ножки стула противно скрипят о дощатый пол, обвожу людей взглядом и завершаю нашу сделку:

— Выходим завтра. Встречаемся у таверны на рассвете.

По дороге в свою комнату на втором этаже нахожу пальцами под курткой медальон мамы и сжимаю его. Повторяю себе в очередной раз: мертва.

Помимо того что чистокровные эльфы легко управляют со всеми четырьмя стихиями, некоторые из них владеют даром предвидения. Дар этот очень редкий и ценный, и, чтобы научиться им правильно пользоваться, могут уйти годы. Мама умела. По крайней мере, мне так казалось. А еще этот дар если и передавался по наследству, то исключительно после смерти видящего. И только чистокровному потомку.

Почему после смерти мамы — возникающие видения больше не позволяют сомневаться в том, что она мертва, — дар перешел ко мне, к полукровке? Хороший вопрос. Но то, что я иногда вижу будущее, неоспоримо. И оно ведет меня к цели, изо дня в день. К долине Эльвос.

Я зажигаю свечу на столе, падаю на стул и раскрываю карту, которую дала мама. Она заколдована: показывает конечную цель, но путь выбирает по обстоятельствам, ведомым только ей самой. Я чувствую в ней мамину магию. Эта карта помимо медальона — все, что осталось мне от мамы, и она настаивает на том, чтобы я шла через Топи.

Веду подушечкой пальца по чернильным буквам, выведенным маминoй рукой. На желтоватый от времени пергамент падает слезинка. Бумага впитывает ее в себя. Свернув карту, я приступаю к сборам.

Спитcя мне этой ночью плохо.

Так происходит всегда, когда мне предстоит провести несколько дней в компании людей. Тесное общение с ними сродни хождению по тонкому льду. Один неверный шаг — забытая шапка или кoсой взгляд, а, может, грубое слово, — и все. Придется драться, чтобы выжить. Главное — сразу получить деньги, а с остальным буду разбираться по ходу действий.

Я поднимаюсь задолго до рассвета. Подхватываю свои вещи и иду в лес недалеко от таверны, чтобы немного попрактиковаться с магией земли. Больше никаких уловок или хитрости — я серьезно настроена овладеть всеми четырьмя стихиями. Мама, спустя восемнадцать лет моей жизни, нако-

нец добилась от меня усердия. Жаль, что для этого ей пришлось умереть.

Первые лучи солнца я встречаю, сидя на камне в тени горюющего люна. Его свисающие длинные ветви с мелкими листиками и коричневыми цветами скрывают меня от глаз тех, кто ошивается у входа в таверну. Судя по всему, мои попутчики остались на ночь здесь же. Долговязый паренек вышел во двор первым, чтобы попрощаться с лошадыю. Удивительная для людей привязанность к животному, которое служит лишь для того, чтобы им было легче жить.

Сиус долго гладит ладонью шею кобылы, что-то шепчет, перебирая пальцами жиденькую гриву, затем обхватывает руками лошадиную морду и утыкается своим лбом в ее. Кобыла ржет, задрав голову, резкое движение сбивает с головы паренька шапку, и та летит на вытоптанную копытами и человеческими ботинками землю. Сиус заметно пугается и бросается к шапке. Странно.

Из дверей таверны выходит рыжий. Осмотревшись, подходит к пареньку, поправляющему на белокурой голове шапку, и хлопает его по плечу:

— Я договорился с хозяином трактира, он позаботится о твоей зазнобе, пока здесь не появится кто-то, кто тоже направляется в Бриос. Увидишь ты еще свою хилую, не горюй.

— Точно позаботится?

— Я хорошо ему заплатил. Что скажешь, Ния?
Не зря мы доверяем трактирщику?

Глазастый какой.

Я выхожу из своего укрытия, на что паренек удивленно открывает рот, и говорю:

— Кому-то повезет больше нас: они будут есть похлебку из свежего мяса.

Сиус бледнеет, а рыжий хохочет. Во двор выходят остальные члены его отряда: женщина недовольно хмурится, а братья зевают один за другим.

— Как можно веселиться в такую рань? — ворчит человечка.

— Нам повезло с проводницей, — подмигивает мне рыжий и снова хлопает паренька по плечу. — У нее хорошее чувство юмора.

Сиус облегченно выдыхает, а я подхожу к главарю и протягиваю руку:

— Расплачивайся, и отправляемся.

Рыжий кивает, поворачивается к одному из братьев и ловит мешочек с деньгами, что тот ему кидает. Куль звонко звенит, а затем приятно удивляет своей тяжестью мою ладонь.

— Серебро, — поясняет рыжий. — Вся сумма сразу. Получишь еще столько же, если не только проведешь через Топи, но и сохранишь жизнь нам всем.

Я бросаю деньги в сумку и смотрю на мужчину:
— Я подумаю.

Он лукаво улыбается и прикладывает ладонь к своей груди:

— Меня зовут Элар...

В глазах темнеет.

Полумрак помещения. Медные локоны закрывают профиль мужчины, склонившегося к женской руке. Его губы прокладывают дорожку из поцелуев по светлой коже. Все выше, к изгибу локтя...

Я моргаю и скашиваю глаза на свою руку. Неужели это была она?!

— ...ты уже знаешь. Ворчунью зовут Туарой, а братьев — Леорс и Веорс. Они, кстати, откликаются на оба этих имени. Мы не плохие люди, Ния.

Снова смотрю на рыжего, а к горлу подкатывает тошнота. Не верю, что это могли быть мы с ним. Я ни за что не допустила бы такого, лучше перерезать себе горло.

— Никто не считает себя плохим, — бросаю я, — даже совершая ужасные вещи. Нам пора.

Элар отводит от меня задумчивый взгляд и кивает:

— Веди нас, проводница.

Спустя полчаса мы достигаем дорожного тракта, сворачиваем на юго-восток и ступаем на колею, оставленную колесами людских телег. Дорога ве-

дет в дикую фруктовую рощу, расположенную на самой границе с Топями. Последний благоухающий рубеж перед тьмой, запустением и возможной смертью. По сторонам колыхается высокая синьтрава, ее голубоватый оттенок напоминает журчащий на солнце ручеек. Ночью она обретает густой синий цвет, что делает поле похожим на глубокое темное озеро.

Я стараюсь не думать о недавнем видении, но вскоре меня нагоняет Элар, и я непроизвольно веду плечами от отвращения, а под курткой нахожу рукоять ножа.

— Почему ты этим занимаешься, Ния? Откуда так хорошо знаешь бывшие земли эльфов?

Я настораживаюсь, но Элар выглядит так, словно решил просто поболтать, от скуки. Он с любопытством мальчишки, открывшего что-то новое, всматривается в незнакомые просторы.

В просторы некогда прекрасного королевства Алья, миролюбивого и жившего в гармонии с природой. Эльфы всегда уступали людям в численности — те плодились, как яблоки в конце лета, — но королевство их было огромно. Незаселенные обширные земли и привлекли сотню лет назад тогдашнего короля маленькой, соседствующей с Алей Олазории. И мирным путем король людей идти не захотел — жаждал прославиться для своих потомков завоевателем. Так и вышло. Алья сгину-

ла под жестоким натиском людей, став Олазорией. Чистокровных эльфов почти не осталось, они вынуждены скрываться где-то в собственных землях, вынуждены отстаивать свое наследие, поэтому война продолжается: одни не желают сдаваться, а другие жаждут истребить врага как вид.

Я отворачиваюсь от Элара:

— Выросла здесь.

— Понятно. А мы вот в этих краях впервые. Удивительная штука мир, верно? Жизни не хватит, чтобы увидеть все его чудеса.

Я не отвечаю, поэтому Элар продолжает:

— А родилась ты здесь? Или в землях людей?

— Это и есть земли людей, — жму я плечами.

— Верно. Я к тому, видела ли ты Старый мир? Знаешь, что такое пшеница?

— Это невиданное средство, из которого делают муку? — усмехаюсь я.

Элар смеется:

— Я про пшеничные поля. Огромные, колосистые... Переливаются золотом на солнце — зрелище не хуже, чем поле с синь-травой.

— Угу.

— Неинтересно? — вглядывается он в меня.

Я пожимаю плечами.

— Хвойные леса тоже что-то невероятное. Запах ели, шишки с мягкими орешками. Правда, до них еще добраться надо. А если высушить... Красота!

Я рос в Старом мире, а недалеко от моего дома находился сосновый лес — не представляю, как не переломал себе руки-ноги, до того любил лазать к самым верхушкам. И все пальцы в смоле — не отмыть. Доброе было время, веселое.

— И что случилось? — спрашиваю раньше, чем обдумываю необходимость своего вопроса.

— Я повзрослел, — отвечает он с печалью в голосе. — Время для детских шалостей неминуемо закончилось.

Зато оно у него было. У детей эльфов и полуэльфов такой блажи нет. Их с пеленок учат выживать.

— В животе урчит, — жалуется позади один из братьев.

— Пожрать бы, — соглашается второй.

Я оборачиваюсь и бросаю:

— Сделаем привал, как доберемся до рощи, поэтому советую шевелить ногами.

Я и сама ускоряю шаг, чтобы оторваться от рыжего и не слушать рассказов о его детстве. Ни к чему мне знать, что люди не сразу рождаются чудовищами.

На привале я намеренно отделяюсь от компании и некоторое время за ними наблюдаю. Они действуют слаженно: один нарезает хлеб, другой — сыр. Третья собирает в тряпицу ягоду, что растет неподалеку. Четвертый передает бутылку с водой долговязому пареньку. Вот он-то как раз ничего не

делает, только принимает заботу и даже в некоторой степени смущен из-за нее. Он им важен, но я пока не пойму причин.

Отворачиваюсь и иду глубже в рощу, чтобы собрать в дорогу пиан, которые как раз поспели, превратившись из маленьких зеленых клубней в мясистые плоды насыщенно синего цвета, размером с хороший мужской кулак. Один плод этих фруктов способен заменить собою полноценный обед, но если есть его каждый день на протяжении недели или дольше, то можно и помереть.

Вернувшись, я застаю людей готовыми двигаться дальше. Пожалуй, их собранность мне по нраву, но не больше. Я киваю, и мы отправляемся.

Вскоре роща начинает редеть. Птицы, что попались по дороге, уже не выют здесь свои гнезда и даже мимо пролетать не рискуют. Звери и подавно обходят это место стороной.

Когда позади остается последнее цветущее деревце и последняя зеленая травинка, впереди вырастает мрачный и высокий лес, далеко протянувший свои когтистые ветви с запада на восток. За спиной раздается дружное «Ох».

Я ступаю на почерневшую землю и разворачиваюсь лицом к людям. Дождавшись полного внимания, по очереди смотрю на каждого и предупреждаю:

— Привала не будет до самой ночи — нужно пользоваться возможностью пройти твердую землю как можно быстрее. С мягкой землей будет сложнее. Как только войдем в лес, говорим шепотом, любой громкий звук привлечет летающих когтезубов. Идем быстро, но тихо, запомнили? Привал не больше пяти минут, коснитесь моего плеча, когда станет невмоготу. Ночь проведем в месте перед самой мягкой землей, если успеем добраться. Готовьтесь мерзнуть — ночи в Топях холодные, а огонь разжигать нельзя. Итак, всем все ясно?

Элар переглядывается с каждым из своего отряда и отвечает за всех:

— Идем быстро, но тихо. Приняли, Ния.

— Отлично, — киваю я и, повернувшись обратно, замечаю себе под нос: — Да поможет им их треклятый бог.

Где-то на протяжении нескольких часов все идет более или менее гладко. Шагаем мы быстро, держимся собранно и тихо. Но из-за того, что ничего страшного не происходит, люди против воли начинают расслабляться — напряжение отступает, они считают, что хорошо справляются и понемногу теряют бдительность. Разумеется, зря.

Мрачный лес, сквозь когтистые и запутанные кроны которого едва ли проникает свет солнца, только этого и ждет. Затаился. Как хищник, не же-

лающий спугнуть добычу раньше времени. Провождает ее голодным и жадным взглядом. Предвкусывает. Добыче лишь стоит сделать один неверный шаг...

Чьи-то пальцы касаются моего плеча, я оборачиваюсь и киваю:

— Три минуты, не больше.

Люди приучили себя к удобствам: еде в неограниченном количестве, разнообразным напиткам и лошадям, что таскают на себе их отъевшиеся туши. Им никогда не приходилось выживать. Большинству из них. Поэтому и отдых им требуется гораздо чаще, чем, например, мне.

Пока остальные жадно глотают воду, передавая бутылку из рук в руки, ко мне подходит Элар и тихо спрашивает:

— Если здесь днем так темно и мрачно, то как мы пойдем, что наступила ночь?

— Вы поймете, будь уверен, — усмехаюсь я. Заметив, что Туара собирается усесться на корягу, предупреждаю: — Лучше не стоит. Три минуты истекли.

Я отворачиваюсь от Элара, но успеваю сделать лишь пару шагов, когда происходит следующее: сначала раздается треск, затем стон боли, а следом изо рта Туары летят громкие ругательства.

Я оглядываю зашевелившиеся ветки деревьев и шиплю:

— Заткнись сейчас же! Замрите и не двигайтесь!
И чтобы ни звука!

Даже в темноте заметно, как сильно бледнеет лицо Сиуса, как одинаково расширились от страха глаза у братьев, как с опаской озирается Элар, и как Туара виновато смотрит прямо на меня, закусив палец, чтобы оставаться тихой.

Бесшумно снимаю с плеча лук и вкладываю в него стрелу. Снова смотрю вверх, на ветки. Черные тени обретают форму — словно жирные наросты на стволе тянутся к небу. Нахохливаются. Прислушиваются. Жаждают устремиться камнем вниз, к несчастной жертве, что по глупости нарушила их покой.

Мгновение. Второе.

Ну же! Засыпайте!

Наконец наросты уменьшаются, затихают, как пробившийся из земли источивший свою мощь ручей, перестают двигаться.

Я оглядываю людей и шепчу:

— А сейчас бежим!

Стрелу я возвращаю в колчан, но дугу лука крепко сжимаю в пальцах. Сердце в груди бешено стучит. Это с виду может показаться, что я ничего не боюсь. На самом же деле за два месяца жизни без того, кто создавал для меня ощущение абсолютной защищенности, я просто хорошо научилась прятать собственные страхи.

Я перехожу на шаг только тогда, когда мы добираемся до широкой поляны с высокими деревьями по краям. Здесь чуть больше света за счет не такого плотного переплетения веток. И летучие когтезубы предпочитают деревья пониже.

Элар вновь трогает меня за плечо и молчаливо спрашивает, можно ли говорить. Я киваю.

— Туара поранила ногу, — шепчет он. — Нужна перевязка.

Я смотрю себе за плечо и вижу, как братья, подхватив женщину под руки, помогают ей добежать до нас. Одну ногу Туара держит на весу. Даже удивительно, как они смогли бежать в таком виде достаточно бесшумно.

Женщина падает на широкий ствол, изгибающийся над землей, и тихо ругается. О том, что ей больно, говорит лишь выступивший на лбу и над губой пот, да кровь, промочившая шкуру ботинка. А я предупредила: здесь все не то, чем кажется. Злиться без повода чревато последствиями.

— Прости, Ния. Я тупая ослица, — шепотом кается женщина. — Врезала ногой по этой коряге, а она пустая внутри. Края острые, что нож...

— Спорить не буду, — киваю я и иду осмотреться. — Сильно шуметь по-прежнему нельзя.

Я нахожу свою метку, касаюсь ладонью ствола и закрываю глаза. Призываю воздух, закручиваю небольшой поток ветерком и отправляю его впе-

ред. По ощущениям, воздушный поток обтекает мягкой волной лишь деревья да редкие голые кусты. Ничего плотнее и больше впереди нет. Выдыхаю и возвращаюсь обратно.

Туаре успели снять ботинок и обмыть рваную рану водой.

— Подождите, — шепчу я. — Бабушка научила меня готовить одно средство.

Шарю рукой в сумке, нахожу стекляшку с целебным порошком и присаживаюсь у ноги женщины. Она бросает опасливый взгляд на Элара — тот, похоже, кивает, и Туара молча принимает мою помощь. Я сыплю немного порошка на рану и разрешаю перевязать. Любое промедление будет стоить дополнительных часов пути, а я не хочу находиться с людьми дольше, чем требуется.

Распрямившись, я ловлю задумчивый взгляд Сиуса, который, впрочем, паренек тут же отводит. Непроизвольно веду плечами и отхожу от людей, чтобы в одиночестве подождать, когда они закончат с перевязкой. Дойти к ночи до места, которое я днями ранее приготовила специально для ночлега, мы не успеваем.

Пространство вокруг постепенно светлеет: земля и деревья остаются черными, а воздух словно белеет. У нас ровно полчаса до момента, когда поднимется плотный серый туман, в котором будет не видно дальше собственной руки.

За спиной снова раздаётся дружный, но тихий вздох. Я оборачиваюсь и сообщаю, что сейчас придется бежать. Люди согласно кивают, и братья подхватывают женщину под мышки.

До места мы добираемся, когда туман уже обволакивает наши тела по пояс. Я смотрю на вспотевшие и ошарашенные лица людей и против воли улыбаюсь. Говорила же, они поймут, что наступает ночь.

Даю время отдышаться, а сама лезу на дерево, в дупле которого спрятала пару одеял. Бросаю их на землю и, спустившись, тихо говорю:

— Все, что есть.

— Мы и этому рады, Ния. Спасибо тебе.

— Ешьте и ложитесь спать. Отправимся в путь, как только туман спадет.

Я снова забираюсь на дерево и устраиваюсь на одной из крепких веток. Осматриваюсь, не заметно ли поблизости когтезубов, и достаю из сумки пиану. Меня окликает Элар. В густом тумане различается лишь его ярко-рыжая макушка.

— Ния! Разбуди меня через пару часов, я сменю тебя на карауле, — громко шепчет мужчина.

Толку от него в таком тумане?

Я усмехаюсь и бросаю:

— Лучше выспись как следует, Элар.

Снова закручиваю поток ветерка и отправляю на разведку. Убедившись, что поблизости нет

крупных зверей, я кутаюсь в куртку, откидываю голову на ствол и закрываю глаза. Долгий был день. И непростой. Но я все ближе и ближе к своей цели.

Просыпаюсь я резко и едва не падаю с дерева. В груди звенит тревога. Я сосредотачиваюсь и понимаю, что кто-то из людей храпит, как медведь! Сна как не бывало. Быстро и ловко спускаюсь с дерева и иду на звук — храпит один из братьев. Наклоняюсь и тормошу его за плечо:

— Просыпайся, треклятый дурак!

Ко мне присоединяется Сиус, с бледным от страха лицом, и тоже пытается достучаться до спящего. Но тот лишь начинает храпеть еще громче. И сквозь этот храп я слышу голодный рык. Волки. Разумеется, не простые, как и все в этом ужасном лесу. Огромные, с глазами, налитыми кровью, безумные и бесконечно голодные. Я удирала полдня от одного такого и спаслась только тогда, когда забежала на болота.

— Давай! — пинаю я храпящего. — Просыпайся!

— Ния? Что случилось? — появляется рядом сонный Элар.

— Ты не слышишь храп?! Если мы его не разбудим, сюда явятся волки!

— Теперь слышу. Подвинься-ка.

Элар широко зеваает. Мы с Сиусом переглядываемся, он пожимает плечами и тихо замечает:

— Попробуйте разбудить остальных.

Я пинаю ботинком ногу второго брата и слышу громкую пощечину. Храп смолкает. А голодный рык раздаётся все ближе.

Я склоняюсь к Элору:

— Надо срочно отсюда бежать.

Спустя минуту я понимаю, что ничего не выйдет. Люди никак не могут проснуться: они вялые и даже не напуганные, зевают каждую секунду. Братья снова клюют носом, Туара положила голову одному из них на плечо, а Элор отряхивается, как собака от грязи, и недоумевают:

— Не пойму, какого беса происходит...

Я беззвучно ругаюсь.

— Все лезем на дерево! Быстро!

Быстро не выходит.

Пока люди копошатся, помогая друг другу, я прислушиваюсь к звукам и тихо злюсь. Мне не нравится, что приходится рисковать своей жизнью из-за кучки людей, но выбора нет. Они нужны мне живыми, чтобы получить еще один мешочек с серебром. Этого хватит на несколько месяцев путешествия в одиночестве, и мне не придется снова строить из себя проводника.

Я вижу, как в тумане у дерева исчезает последний ботинок, прячу нож обратно за пазуху и взбираюсь по широкому стволу сама.

— Ния, морок спал. Слышишь?

Я задираю голову и смотрю на Элара. Мужчина вцепился в ствол руками и уселся на ветке ниже той, где без особого труда или страха стоит Сиус. Братья сидят еще ниже, прижавшись спинами к стволу, а к груди одного из них припала Туара. Они вот-вот заснут.

Туман. Вверху он рассеивается, спадает. Но внизу как-то по-особенному действует на людей... Значит, я поступила верно, загнав их повыше. Правда, это выигрывает всего пару часов, а затем дерево окружат волки. Я слышу, как их рычание множится и приближается.

Я поднимаюсь в полный рост, снимаю свои вещи с сучков и надеваю на себя. Готовлю лук и стрелы.

Первые несколько минут ничего не происходит. Туман спадает, лес мрачнеет, внизу по-прежнему ничего не видно. А затем белую завесу разрезает мохнатая черная морда с оскаленной пастью. Я реагирую без промедления, и стрела врезается в налитый кровью глаз. Волк скулит от ярости и боли, вновь скрываясь в тумане. Но следом подпрыгивает другой. И еще один. И еще...

Я решаю не тратить стрелы попусту. До нас им не достать, а начать убивать их лучше тогда, когда станет понятно, есть ли вообще в этом смысл. Пока мне неизвестно, сколько их внизу и хватит

ли стрел на всех — с учетом, что этих тварей не так просто прикончить.

Сбоку от меня начинают приходиться в себя братья и женщина. Они, тихо проклиная туман, вооружаются ножами. Волки прекращают прыгать, но свирепо рычат внизу — вероятно, друг на друга. Значит, с ними нет вожака, что уже неплохо.

Вскоре туман рассеивается окончательно, и я насчитываю девять густых черных теней, снующих туда-сюда под деревом.

— Ния, что будем делать? — громко шепчет сверху Элар.

— Я попробую их отпугнуть, а вы будьте готовы бежать, когда скажу.

Целюсь в одного из волков и стреляю. Тот скулит, пытается задней лапой стряхнуть стрелу, торчащую близко к горлу, а глаза остальных впиваются в меня. Звери пригибаются, яростно рычат, врезая свои когти в землю. Направляю стрелу в другого, но он тут же отпрыгивает в сторону. Видят волки лучше меня — здесь у них преимущество, но и я сдаваться не намерена.

Выпускаю несколько стрел подряд. Бока, лапы, грудь. Те, в кого я попадаю, скулят и убегают зализывать раны. Остальные злятся еще сильнее, но они далеко не глупы, понимают, что им меня не достать.

В итоге, когда я попадаю в шестого по счету волка, три его собрата, еще не получившие ранений, яростнее прежнего рыкают в мою сторону и убегают вслед за остальными.

Я убираю лук за спину и командую:

— Бежим!

Присев, хватаюсь руками за сук на ветке и, повиснув на нем, прыгаю вниз. Пятки врезаются в землю, по ногам проходит эхо тупой боли. Я распрямляюсь и снова хватаюсь за лук и стрелы. Жду. Справа рычат, и я выпускаю в том направлении стрелу. Беру следующую.

Люди подхватывают свои вещи, Элар обнажает клинок, Туара встает рядом со мной с арбалетом в руках. Ее стрела летит влево, и через секунду до нас доносится скулеж.

— На болотах вообще шуметь нельзя, ясно? — говорю я, не оборачиваясь. — А теперь за мной!

Я бросаюсь вперед, но за пару метров до болот мне наперерез выскакивает самый первый из пришедших волков. Узнаю его по отсутствующему глазу — видимо, вырвал его себе вместе с моей стрелой. Из оскаленной пасти брызжет пена животной ярости.

Снова пускаю стрелу. Она летит мимо, потому что волк кидается прочь.

Бегу дальше, ищу глазами дерево со своей меткой. Сзади раздается крик, и я оборачиваюсь. Элар

бросается обратно, а я подбегаю к нему и хватаю за шкуру, останавливая.

Первый волк набросился на одного из братьев, повалив того на землю. Туара пускает в животное стрелы, пока близнец спешит на помощь брату, а Сиус куда-то исчез. Между нами с Эларом и остальными появляются еще два волка. Со спины к Туаре бегут другие.

Я рискую, но кричу женщине:

— Тропинка чернее, чем болота! Идите по ней, и ни шага в сторону! Я найду вас с другой стороны. Хватайте раненого и вправо! Сейчас!

Я пускаю стрелы друг за другом, пока Элар разбирается с одним из двух волков, а Туара с братом подхватывают другого и тащат к болотам.

— Где Сиус?! — вопит Элар, с его клинка капает кровь. — Сиус?!

— Заткнись! — шиплю я. — За мной, быстрее!

Но мы не успеваем.

Я замечаю тень, нависшую над мужчиной, а следом ощущаю, как в мое плечо вонзаются острые когти и зубы. Шиплю от жуткой боли, но нахожу в себе силы упасть именно на это плечо. Выпускаю из пальцев лук, вынимаю из-за пазухи нож и, отклонившись в сторону, вонзаю оружие в когтезуба. Плечо горит огнем. Элар рубит жутких птиц налево и направо. В меня прилетают ошметки тварей, а следом рядом возникает и сам рыжий.

— Помощь нужна? — протягивает он руку.

Посмотрев вверх его головы, я запускаю нож в нависшую над нами тень, цепляюсь за руку Элара и, поднявшись на ноги, подхватываю лук. Очень вовремя: к нам несется неугомонный одноглазый волк. Из его бока торчат стрелы от арбалета, но он наверняка не чувствует боли, потому что слишком разъярен. Я пускаю еще одну стрелу. Она свистит мимо, но вынуждает волка сбросить скорость, что дает нам с Эларом пару секунд. Хватаю рыжего за руку и мчусь к мягкой земле.

На болотах водятся другие твари, и лесные обитатели к ним не сунутся.

Я забегаю на тропинку и несусь по ней несколько метров, а затем оглядываюсь. Волк тормозит у самого ее начала, недовольно скулит и рычит. Я киваю Элару и останавливаюсь, чтобы отдышаться. Рукав моей куртки уже промок от крови. Я сосредотачиваюсь на влажности на своих пальцах и приказываю влаге заморозиться. Жгучая боль немного отступает под действием холода.

— Ты как? — шепчет Элар.

Я прикладываю к губам палец и качаю головой, мол, вообще ни звука. Тот кивает, смотрит за спину и шарахается. Я тоже замечаю, как волк нарушает границу, которую сам себе очертил. Глупое животное, ты же сейчас погибнешь!

Волк глухо рычит и пригибается к земле, неотрывно глядя на нас, затем рычит громче и срывается с места.

В ту же секунду справа от него взрывается влажная и густая земля. Упругая черная тень в форме кольца резко разворачивается в сторону волка, обхватывает его поперек и утягивает в болото. Захлебывающийся скулеж тонет в жидкой и густой грязи.

Я морщусь, убираю лук за плечо и разворачиваюсь вперед. Земля неожиданно идет волной. Я тут же присаживаюсь. Видимо, смещение. Оборачиваюсь на Элара: не удержав равновесия, он роняет клинок, который первым тонет в жиже. Ноги мужчины тоже в ней вязнут, слишком быстро и неумолимо. Через пару секунд Элара затягивает по грудь. Он цепляется за твердую землю, скребет ногтями. В глазах застыл животный страх.

— Помоги!

Если его схватила болотная тварь, то ему уже не помочь, а я не могу себе позволить умереть ради человека. Моего врага. Точно не из-за него. Моя цель — как раз покончить с ними всеми раз и навсегда. Но, если верить видениям, выбора у меня нет.

Рыжие волосы слиплись от грязи, под ногтями вместе с землей собралась кровь. Элар борется до последнего.

— Ния! — выдыхает он. — Пожалуйста...

Я досадливо рычу и бросаюсь на помощь. Видения не обманывают. Если Элар целовал чью-то руку, значит, ему суждено пожить еще немного. Значит, мы не погибнем здесь и сейчас.

Я падаю на колени, позволяя рукам Элара обхватить мою шею, а своими ныряю в густую и холодную грязь, чтобы взять его подмышки. Сосредотачиваюсь на влаге, указываю магии, что нужно делать. Но, как я и опасалась, Элара что-то держит под толщей густой жижи. Наверняка детеныш. Будь иначе, его давно утащило бы на дно. Но я все равно не настолько сильна в магии воды, чтобы справиться даже с ним, поэтому меня тоже начинает утягивать вниз.

А затем я слышу чьи-то быстрые шаги. Смотрю в ту сторону, из которой мы пришли, и вижу бледного и напуганного Сиуса. Паренек присаживается недалеко от нас, утапливает пальцы в грязи, закрывает глаза и бесшумно шевелит обескровленными губами. Грязь поддается, и сама выталкивает Элара.

Через минуту он заваливается на меня. Я нащупываю на его поясе кинжал, вынимаю оружие из паза и, спихнув с себя мужчину, режу то, что обхватывает его ногу как змея. Оно дергается и скрывается под грязью.

Я смотрю на Элара и Сиуса. Рыжий, тяжело дыша, спрашивает одними губами:

— Снова бежим?

Я усмехаюсь и киваю.

Через несколько часов быстрого бега я полностью выдыхаюсь. Во-первых, я потеряла много крови, а в той, что осталась в организме, теперь гуляет яд когтезубов, делая меня слабее. Во-вторых, потратила много сил на магию. В-третьих, со вчерашнего вечера во рту не было и капли воды. Мне остановиться бы, обработать плечо и попить воды, но болота для этого слишком опасны. Впрочем, я могу позволить себе перейти на шаг, что и делаю.

Над головой нависают деревья, кое-где зловеще булькает густая грязь, а вдали видится просвет. Я назвала это место перевалом. Прогалина твердой земли, широкая и продолговатая. За ней снова идут болота, и дальше я не заходила. Чтобы добраться до нее, у нас уходит еще час времени, потому что ближе к этому месту твердая тропинка сильно сужается и идти нужно с особой осторожностью, но все справляются. Я отвожу Элара и Сиуса подальше от болот и, остановившись, жадно припадаю губами к горлышку бутылки с водой. После перевожу дыхание и тихо сообщаю:

— Будьте здесь, отдохните, поешьте, если есть что, а я пойду за вашими друзьями. Надеюсь, они живы.

Я разворачиваюсь, запинаясь о свою ногу и едва не падаю, но меня ловят сильные руки Элара.

В глазах темнеет.

Дрожащий огонек свечи. Открывающаяся тяжелая резная дверь. Рыжий мужчина на пороге воровато оглядывается. Женские пальцы обхватывают рукав его камзола, тянут на себя. Смех, звонкий и счастливый. Чужие жадные губы на моих.

Я моргаю.

На моих?!

— ...отдохнуть. Позволь хотя бы обработать твои раны.

Я смотрю в глаза, в которых блуждает искреннее беспокойство, перевожу взгляд на его губы, и меня передергивает от отвращения. Отшатываюсь от мужчины и киваю:

— Да, обработать рану не будет лишним. Я сама справлюсь.

Элар вздыхает, но не спорит.

Я отхожу от этих двоих подальше, снимаю сумку и куртку и сажусь на землю. Слышу, как они шепчутся.

— ...испугался, Элар. Мне так жаль.

— Перестань, парень. Ты все сделал правильно. Думаю, мы можем ей доверять.

— Но это значит, что я мог помочь раньше...

— С братьями и Туарой все в порядке, я уверен.
Не казни себя.

— А если нет? Если они... С ними не было Нии, не было меня... А эти твари...

— Чему быть, того не миновать. Мы все знали, на что шли.

Я хмыкаю и откупориваю бутылек с лечебным порошком, сыплю его на промытые водой ранки, и жжение мгновенно исчезает. Выдыхаю с облегчением.

— Вот.

Перед моими глазами появляется небольшой рулон белой ткани, а следом и улыбающееся лицо Элара, который присаживается рядом со мной на колени.

— Позволь отплатить тебе добром на добро.

Сколько ему лет? Тридцать? Больше? Или меньше? Во взгляде и словах есть мудрость, но не усталость. Наверняка он еще молод. Да и красив к тому же, если не брать в расчет то, что он человек.

Я отворачиваюсь, кивнув, и подставляю Элару плечо. Сама буду возиться слишком долго.

— Ния, ты правда считаешь, что они могут быть живы? — тихо спрашивает мужчина, приступая к перевязке. — Или просто не хочешь лишать нас надежды?

— Мы живы, — пожимаю я здоровым плечом.

— Благодаря тебе.

— Благодаря Сиусу. Он не человек, и вы это знаете.

— Человек. И не человек тоже. Но какая разница, какая в нас течет кровь, если все мы просто хотим жить, верно?

— Маги крови с тобой поспорили бы, — усмехаюсь я, поднимаясь на ноги. Наспех одевшись, я ухожу, оставляя людей.

Тропинку, по которой предположительно должны были идти братья и женщина, я нахожу не скоро. Задаюсь вопросом, зачем снова рискую ради людей, но упрямо ступаю на узкий участок земли. Я им обещала. Обещала, что найду их с другой стороны.

В конце концов, я не маг крови, который не знает ни сочувствия, ни жалости к врагу. Я — эльф. А эльфы не дают обещаний, которых потом не выполняют.

Спустя пару часов я выхожу на людей.

В глаза бросается несчастный взгляд Туары, который наполняется усталой радостью при виде меня. Он смущает. Женщина хочет что-то сказать, но я прикладываю указательный палец к губам и иду ближе, чтобы осмотреть их. Они выглядят вымотанными до предела, их одежда в грязи и крови, а раненый лежит без сознания. Его голова покоится на коленях Туары, а у ног сидит брат. Похоже, они не один час тащили его на себе. Даже удивительно, что выжили.

Я безмолвно прошу Туару уступить мне место. Лицо мужчины бледное, рукав куртки разодран в клочья, через тряпье проглядывает безобразная рана, на которой запеклась кровь, перемешанная с грязью. Он много ее потерял, но кто-то додумался перевязать плечо жгутом. Жаль, это не спасет от заражения. Ему бы к лекарям.

Я вздыхаю, осторожно открываю бутылку с водой и лью на рану, а затем высыпаю на нее последний порошок из склянки. Придется задержаться в городе на пару дней, чтобы приготовить еще. Ну а сейчас пора в путь.

Собираюсь разбудить пострадавшего, но земля идет волной. Хватаю мужчину за куртку, показывая его брату делать то же самое — схватить за ноги, оборачиваюсь и свободной рукой даю понять Туаре, чтобы она присела. На лицах снова страх. Раненый стонет, и я тут же закрываю его рот ладонью. Справа, совсем близко, зловеще булькает грязь. Я нагибаюсь. Мужчина медленно открывает глаза, взгляд затуманен. Дыхание учащается. Ему больно и страшно.

Земля замирает. Грязь булькает чуть дальше.

Мужчина начинает мычать. Я подмечаю грязный клинок на его поясе. Убираю руку со рта, и он снова стонет. Сбоку взрывается грязь, люди охают. Чернильное кольцо разворачивается, змеей

устремляясь к лежащему, опоясывает его поперек тела и приподнимает над землей.

Я подскакиваю на ноги и со всей силы рублю острым клинком по мясистой твари. Обрубок дергается и скрывается в болоте, а то, что от него осталось, бездвижно падает.

— Быстрее, — шиплю я, стирая с лица вонючую слизь.

Склоняюсь над раненым и вместе с его братом помогаю подняться. А затем мы бежим. Настолько быстро, насколько можем, и настолько тихо, насколько способны. Веорс или Леорс постепенно приходит в себя, шаг становится тверже — очень вовремя, потому что тропинка начинает сужаться. Я оставляю его на брата и цепко слежу за обстановкой: за бульканьем, которое тревожит болото то позади нас, то впереди. Хочется поскорее отсюда убраться.

Когда до прогалины остается пара метров, нам приходится разделиться. Брат отпускает брата, подталкивает его к рукам Туары, но мужчина все равно оступается, падает на колени и громко выдыхает. Грязь справа взрывается. Здоровый мужчина бросается к брату, дергает его за шиворот вверх, и я толкаю их обоих вперед.

На талии туго стягивается кольцо и лишает меня дыхания.

— Ния!

Мир переворачивается: сначала меня подбрасывает к ветвистому небу, затем перекручивает лицом к болотной грязи, которая приближается к каждой секундой.

Ну уж нет!

Ловлю пальцами воздух, задерживая себя в нем, а другой рукой вонзаю клинок в плоть твари. Из раны брызжет слизь, ноздри наполняет вонь. Я напрягаюсь и тащу клинок выше, разрезаю толстую змею поперек. Тварь дрожит, и хватка слабеет. Пользуясь моментом, я порывом ветра выталкиваю себя из кольца. Переворачиваюсь в воздухе и приземляюсь на одно колено на узкой полоске земли. Поднявшись, бегу к прогалине, где ждут остальные.

— Бегите! — шиплю им.

Люди берут себя в руки и срываются с места, а я досадливо морщусь оттого, что пришлось использовать магию воздуха так очевидно. Хотя для них подобное не в новинку, раз с ними Сиус, который до сих пор жив. И мне очень интересно, почему полуэльф отправился куда-то с людьми.

Вскоре мы переходим на шаг и добираемся до лагеря. Элар бросается обнимать своих друзей, Сиус едва не плачет от облегчения, а я просто падаю на землю и раскидываю руки в стороны. Ноги гудят от ходьбы, в теле неприятная слабость, в висках пульсирует тупая боль. А впереди снова болота.

Рядом садится Элар и смотрит на меня с благодарностью. Я отворачиваюсь и замечаю:

— Это еще не конец.

— Знаю. Просто прими мою благодарность, Ния.

— Я предпочту принять серебро, когда мы выберемся.

— Ладно, пусть дело будет в хорошей оплате, раз тебе так хочется, — усмехается он и уходит.

Хочется.

Спустя время, пока люди увлечены едой, я иду вперед, ближе к болотам, и закручиваю вихрем ветерок. Выдыхаю с облегчением: переход на пару часов, а дальше снова твердая земля с растущими близко друг к другу деревьями и кустами. Ночевать будем там, но не на земле. И место нужно выбрать такое, куда не сунутся когтезубы. Люди и туман, который на них плохо действует, ужасно усложняют задачу. Но я уверена, что мы все выберемся из Топей если не невредимыми, то точно живыми.

Так и выходит: мрачный лес заканчивается совсем неожиданно.

Мы ночуем на деревьях, и как только туман оседает, отправляемся в путь. Не проходит и часа, как мы выныриваем на свет раннего солнца из пучины тьмы, как из воды. Все облегченно выдыхают, щурясь от резкого света, кто-то из братьев пада-

ет в зеленую траву. Элар обнимает Сиуса, и оба громко хохочут. Я привыкаю к солнцу и смотрю вдаль со склона, на котором мы находимся. Там, в низине, среди холмов, раскинулся блестящий и огромный город.

Ваалис.

Ещё одна достигнутая точка на пути к моей цели.

Глава 2

Ваалис когда-то был маленькой южной столицей земель эльфов. Благоухающие сады, высокие замки из стекла и металла, ухоженные парки и Озеро Грез. Я читала в записях мамы о том, что вода в нем была кристально чистой, а населяющие его рыбы сверкали своими изумрудными боками и могли исполнять желания.

А затем пришли люди.

Разумеется, Ваалис сдался не сразу, сражение длилось около года, но в конце концов маги крови вытеснили эльфов, оставив от города руины. Их они и назвали Бриосом, что бы это ни означало. И меня очень удивляет, что город до сих пор блестит, отражая солнце в стеклянных постройках. Мне казалось, что все завоеванные у эльфов города люди окружают высокими стенами из серо-

го неотесанного камня, и из него же строят свои угрюмые дома. Но Бриос, похоже, сохранил в себе былое ощущение свободы и дыхания Ваалиса.

Я отвожу взгляд от далекого города в низине и смотрю на Сиуса, который отделился от остальных. Еще на рассвете, спустя несколько минут после того, как мы вышли из мрачного леса, этот паренек сделал что-то с кровью раненого и помог ему. Теперь мужчина выглядит куда здоровее, чем несколько часов назад.

Я прибавляю шаг и равняюсь с парнем.

— Ты полукровка, — говорю я тихо, чтобы не привлекать внимание остальных. — Скажи свое настоящее имя.

Сиус заметно бледнеет, бросает испуганный взгляд на спину Элара и сглатывает:

— Элар сказал, что мы можем тебе доверять. Это правда?

— Правда.

— Родители дали мне имя Сиариин, — его голос дрожит.

— Поколение?

Сиариин озадаченно хмурится, но отвечает — шепотом, словно боится, что его услышат:

— Я эльф в третьем поколении. Дедушка был чистокровным.

— И твоя стихия — вода.

Паренек кивает, я тоже.

Полукровки в третьем поколении могут овладевать лишь одной стихией, в самых редких случаях — двумя. У четвертого и последующих нет и шанса на то, чтобы пользоваться магией. Все дело в мерзкой человеческой крови, которая, к сожалению, течет и в моих жилах.

— Почему... ты спросила, Ния? Ты изучаешь эльфов? Зачем?

Я усмехаюсь, и задаю очередной вопрос:

— Где твоя семья, Сиариин?

Он отводит взгляд и снова сглатывает:

— Все мертвы, конечно же.

— Их убили люди. Но ты путешествуешь с ними, помогаешь им. Почему?

— Далеко не все люди — это зло, Ния. Среди них есть и хорошие.

— Неужели?

— Ты сама, разве нет? — смотрит он на меня. — Элар не стал бы доверять плохому человеку. Ты же... Ты же не собираешься рассказать обо мне стражникам Бриоса?

Я хмыкаю. А парень-то не блещет умом. Не понял, что я вовсе не человек.

— Зачем Элар и остальные ведут тебя в этот город?

— Там...

— О чем беседуете? — прерывает нас Элар и притормаживает, чтобы пойти с другого бока от меня. — Я могу к вам присоединиться?

Осматриваю мужчину задумчивым взглядом и говорю:

— Обсуждали погоду. Уже закончили.

Я вырываюсь вперед, опережая братьев и женщину, и готовлюсь к тому, чтобы найти хорошее место для ночлега. Еще одна ночь, и мое знакомство с этими непонятными людьми закончится. Главное, не забыть взять с них обещанную плату.

На ночь мы останавливаемся глубоко в лесу, подальше от дорожного тракта, который ведет в город. Люди разжигают огонь, разделявают подстреленного Туарой по дороге зайца и жарят его на костре. Я в это время наслаждаюсь вкусом пианы, с удобством разместившись на ветке дерева недалеко от людей. Братья и Элар, перебивая друг друга, рассказывают Сиариину какую-то человеческую байку. Тот смеется. Я стараюсь не прислушиваться. Неприятности приходят с той стороны, с которой люди не ждут: из леса.

Я первой замечаю небольшой отряд убийц и тут же подхватываю лук и стрелы. Внутри все закипает от животного страха и ненависти.

— Спокойно, — тихо, но твердо произносит Элар и поднимается на ноги. — Братья, прикройте

Сиуса. Парень, тебе нечего бояться, веди себя как обычно. Разговаривать с ним буду я.

Я бросаю быстрый взгляд на Элара и замечаю, как мужчина преобразается. Плечи распрямляются, в позе появляется некое величие, а лицо каменеет. Во взгляде сквозит превосходство, и оно явно неприобретенное. С пониманием, что тебе должны подчиняться, только рождаются. Похоже, Элар не так прост, как хочет казаться.

Я оставляю эту мысль на потом и высматриваю тень, что должна быть темнее прочих. Смерть всегда ходит в черном — цвет мрака, того, чего мы боимся больше всего. Воплощение безжалостности и жестокости. Жаль, я еще не готова встретиться с желанным противником лицом к лицу, чтобы сразиться в достойном поединке.

Через пару секунд я нахожу статную фигуру мага крови, и в моих глазах темнеет.

Долина Эльвос. Яркое солнце — раннее утро. Арка из прильнувших друг к другу веток деревьев, листья которых дрожат на ветру. Еще один шаг. Изумрудный взрыв прямо в воздухе. Шар света увеличивается, растет на глазах и превращается в радужный тоннель. Лабиринт Силы. Я должна в него войти. И я знаю, чувствую, что это желание одолевает не меня одну.

Я моргаю и заставляю себя не думать о видении. Точно не сейчас.

Маг крови верхом на вороном коне уже равняется с Эларом, останавливаясь напротив, в нескольких метрах от него. Конь фыркает, бьет копытом землю с примятой травой, вырывая земляной ком.

У меня зудят кончики пальцев, которыми я удерживаю древко стрелы. В висках пульсирует гнев. Нутро выжигает до пепла желание напасть первой, разжать пальцы. Это может быть он. Тот, кто убил мою мать. Но я сдерживаюсь, оставаясь тихой и незаметной.

— Вот так встреча, — холодно усмехается Элар. — Не знал, что вблизи Бриоса есть места, требующие зачистки.

— Элар, — без тени улыбки произносят ему в ответ. — Ты прав, я направляюсь в Бриос не для этого.

— Как интересно. У гончей церкви есть другие обязанности? Не просветишь, в чем они заключаются?

— Меня сюда направила не церковь.

— Король?

— И не король.

— Неужели ты преследуешь личные цели, Тайлос? У таких, как ты, они бывают?

— Довольно насмешек, Элар. Мне тоже интересно, по какой причине ты забрался так далеко от дома, но я не спрашиваю. Однако мне нужно знать, кто с тобой.

— Ты всех их знаешь, Тайлос.

Маг крови усмехается, смотрит сначала на Сиуса, которого зажали между собой братья, а затем прямо на меня:

— Двоих не знаю.

Он отводит взгляд, а у меня по коже расплзаются мурашки. Если глаза — это зеркало души, то у этого Тайлоса ее нет. Да и не должно быть. Душа для мага крови — как расплата за возможность сеять вокруг себя смерть.

Элар тоже смотрит сначала на Сиуса, а затем в мою сторону:

— О, прости мне мое невежество, дорогой Тайлос. Сиус с нами так давно, я и не подумал, что ты можешь его не знать. Он член моего личного отряда.

Я оставляю лук и стрелы на дереве и спрыгиваю с него. Раз мое укрытие раскрыли, то смысла прятаться больше нет — это лишь вызовет ненужные подозрения.

— А эту девушку зовут Ния. Она провела нас через Топи.

Темный взгляд вновь обращается ко мне, изучает мое лицо. Я смело смотрю в ответ, но из-за черного платка мне видны лишь глаза, в отражении которых пляшет пламя костра.

— Проводник, — говорит маг в итоге, отворачиваясь.

— Твоей смекалке можно только позавидовать, — усмехается Элар.

Не многие люди могут себе позволить разговаривать в таком тоне с магом крови, еще меньше из них знакомы с ними лично. Кто же ты такой, Элар?

— Что ж, я рад, что ты и твой отряд выжили. Очевидно, вы очень торопились, раз решили идти через это место. Или же дело в умелом проводнике? Насколько хорошо ты знаешь эльфийские земли, проводница?

Я внутренне содрогаюсь из-за того, что убийца обратился лично ко мне, но отвечаю сухо:

— Достаточно.

Мужчина кивает, прищипривает пятками круп кобылы и говорит напоследок:

— До встречи в городе, Элар.

За ним уходят и четыре его пса.

— Мне и этой хватило, так что спасибо, обойдусь, — ворчит вслед мужчина.

Я провожаю взглядом мага крови до того момента, как его фигуру полностью не поглощает чернота ночи, и смотрю на рыжего человека. Он смотрит в ответ и подмигивает, а затем хлопает ладонью по плечу Сиариина и весело интересуется:

— Испугался, парень? Ничего, с нами тебе нечего бояться, я уже говорил.